

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стильном воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я специально переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

— Э-ге-ге-ге-е-е-е!.. — заорал я, в надежде, что мой крик всколыхнёт лесную глушь и заставит качнуться неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

— Э-ге-ге-ге-е-е-е!..

— Э-э-эй! Степаныч!.. — услышал я сквозь сон голос Мишки Черепа и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более что такой сон приснился! Закрывать бы опять глаза да досмотреть!.. Может, в конце концов, и морозец почувствую! Может, он мне нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве!..

— Ну и чё ты, как потерпевший, орёшь? — зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и, зябко поёжившись, вопросительно посмотрел на своего напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и в бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

— Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намекаешь? — поддел я Мишку и, сев рядом с ним на пустой ящик от выстрелов, потянулся. — Бандерлоги, они вроде как с другой стороны. Ты ничего не попутал?

— Да не-е-е!.. Тут другое!.. Кого-то к нам нелёгкая занесла! Бэтэр вон эскортом! Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

— Это верно, — согласился я и, поудобнее устроившись рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил: — Куда смотреть-то? — Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь?.. Из-за него тёмно-синий «крузер» выглядывает. Вот на нём гости и прибыли.

— Ага, сейчас глянем, — опять зевнул я и навёл свое СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин, с любопытством осматриваясь по сторонам.

Прижался щекой к упору и, привычно убрав в прицеле полутени, поймал себя на мысли, что уже на автомате, машинально, подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

— Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, — хихикнул Мишка, — на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

— Это точно! — поддакнул я напарнику, не отрывая от прицела. — Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули наших трёх штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на передовую. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать от неё!..

Мы с Мишкой уже отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий, заваренный с известными только нашему повару травами напиток. Напарник, в отличие от меня, побаловать себя горячим чайком не мог. Он его, конечно, пытался пить, постоянно дую в кружку, но это мало помогало. Кружка у него была железная, и он постоянно обжигал себе губы. Я гаденько захихикал, когда он в очередной раз обжётся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

— В первый же выход в «серую» зону у какой-нибудь бабульки кружечку как у тебя прикуплю, — уведомял меня напарник и опять взялся за свою железяку.

— Ты уже целый год себе кружку добываешь, да всё никак!..

— Да знаю я, знаю!.. — перебил меня Мишка. — Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

— Это каким таким делом?

— А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдеть, тело твоё снайперское охраняючи!..

— Степаныч! — засунув голову в дверь блиндажа, заорал Гаврик — невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. — Давай бери свою Черепушку и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

— Сам ты Черепушка! — заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы.

Гаврик, взвизгнув, спрятался за дверь и проорал что-то на своём родном.

— Мамай недобитый, — пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я заржал: худощавое Мишкино лицо, с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало чем-то на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру я не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать, что к чему, направился к гостям.

— Здоров, ребята! — поприветствовал я бойцов, расположившихся рядом с прибывшим бэтээром, и присел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. — Откуда гости? Наши? Али как?..

— А хрен его знает, — хмыкнул лежащий на крыше бэтэра боец, судя по масляным пятнам на камуфляже — механик-водитель. — Нам, багтя, не докладывали, сдёрнули с места, и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности. — А чего они не на броне, а на этой фиговине? — кивнул я в сторону японского красавца.

— А это они до первого обстрела форсят! — засмеялся другой боец, удобно развалившись на выложенной из битого кирпича лавке. — Как только первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а в следующий раз ещё и танк потребуют! Были уже случаи.

— Степаныч! Давай сюда! Ждут! — высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя подозреваю, что того немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилось имя русского путешественника Миклухо-Маклая. — Проходите, присаживайтесь, — пригласил нас с Мишкой комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости, два человека.

Один — в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и тёмные штаны, — но по манере держаться и по выправке сразу видно: кадровый военный. Примерно

сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они сразу же прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный и за себя в случае чего постоять сможет.

Второй, в отличие от своего напарника, практически неподвижно сидевшего за столом, на месте без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили своей суетливой жизнью, перекладывая на столешнице с места на место карандаши, ручки, линейки — всё, до чего могли дотянуться. Но больше всего меня в нём поразило его звание — полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, грешным делом показалось, что это старлей! Но нет, точно полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького пиксельного камуфляжа.

— Как вы уже знаете, — начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, — неделю назад, к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километрах отсюда, и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, как будто давал нам время привыкнуть к этой мысли, а потом, приподнявшись на стуле, ткнув карандашом в карту, продолжил: — Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие — ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил ни нам гостей, ни нас гостям. Если в тайны играть начали, значит, точно какую-нибудь дрянь ожидать надо. — Они это и без нас знают, — перебив вдруг командира батальона, сказал полковник и, взяв карандаш, постучал им по столу, словно ожидая, что кто-то из нас должен высказаться по этому поводу. Не дождался.

— Они это знают, — повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил: — Но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Он помолчал немного, а затем, резко поднявшись, прошёл по блиндажу и остановился за нашими с Мишкой спинами. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться к нему. Не люблю, когда у меня кто-то за спиной стоит!

Передо мной на стол упали несколько цветных, хорошего качества фотографий, на которых на фоне киевского «Самсона» был запечатлён молодой мужик лет тридцати пяти. Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой надета тельняшка. Никаких нашивок на куртке не было, поэтому определить принадлежность к роду войск или к конкретному полку было невозможно.

— Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколькими годами о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл, ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на своё место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

— Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? У вас никаких мыслей на этот счёт не появилось?

— Появились мысли, — вздохнул я. — Как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание другим, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался довольно близко к нам. Отомстить, одним словом.

— Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что и они не бессмертны.

— Да мы с этим согласны, — кивнул я и мельком глянул на напарника. Дождь, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил: — Нам только не совсем понятно: каким образом снайпер, который должен будет убить этого типа, — ткнул я пальцем в фотографии, — подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по «серой» зоне, это вполне возможно, и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

— Охотно верю! Проблема есть! — легко согласился полковник и, опять постучав карандашом по столешнице, добавил: — Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили, и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись от нас каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

— Капитан, прошу вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на своего большезвёздного соседа, вдруг выдал:

— Я изначально был против именно такого способа попадания на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

— Я бы вас, капитан, попросил держать при себе то, что вы считаете! Решение принято, и вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

— Я так понимаю, что вы в исполнители назначили нас, — кивнул я в сторону Мишки, — и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

— Прошу вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать, — опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил: — После того, как вы узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу вам доводы, почему именно вы не только согласитесь, но и радостно побежите, чтобы пристрелить этого Молейко!

— Это правда он? — спросил я и, с трудом проглотив вставший в горле комок, посмотрел на капитана.

— Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

— Я знаю это и потому верю вам, — не дал я ему договорить. — Давайте вашу идею. Что придумали-то?

Капитан посмотрел на своего молодого начальника, и тот, вытащив из лежащей на столе папки карту, развернул её и, подвинув к нам, сказал:

— Зелёной линией обозначен ваш путь, по которому вы доберётесь почти что до самой батареи. Это коллектор. Если по-другому — подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи, принадлежащие министерству обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии вообще и местоположении в частности была строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие в те времена здесь службу, вспомнили о нём и предоставили нам сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

— Коллектор берёт начало в «серой» зоне, вот тут, — сместил он карандаш к зелёной точке, — а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от этой лесополосы имеются дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеется с десяток ныне разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной нам батареи — не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слышая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед моими глазами всплыла дикая картина: мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь... Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Потом он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело

сына, вою, как волк вою, тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

— У тебя есть вопросы, старшина? — обратился ко мне полковник, игнорируя моего напарника.
— Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

— Почему так долго? Почему через три?

— А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, — пожал я плечами, — каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

— Хорошо!.. Три так три! На том и порешим. Всё, свободны!..

От отряда, который должен был нас сопровождать по «серой» зоне, я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

— Целых три дня! А ты чего столько дней-то спросил? — спросил меня Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. — Чё сделать-то за это время хочешь?

— Какие там три? — усмехнулся я. — Сегодня ночью и выйдем.

— Какого хрена?! Почему?!..

— Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

— Не веришь им?

— А ты веришь? — вопросом на вопрос ответил я. — Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

— Вот именно, — вздохнул я. — Если об этом оружии вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские военные с той стороны, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ощиц.

— Тоже верно, — согласился напарник и, ускорив шаг, спросил: — Насколько я понимаю, мы сейчас топчем за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

О том, что мне надо в военкомат, я узнал совершенно случайно, от своего соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня, если честно, уже были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого смысл вообще потеряла. Единственное, что несло облегчение, если это конечно можно так назвать, — жена не узнала, что её сын умер.

— Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, — как-то раз посоветовал он. — Может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав: может, и полегчает, тем более что находиться одному в квартире было невыносимо.

— Слышал я о вашем горе, — вздохнул военкоматовский подполковник, к которому меня направили как добровольца, — и сдаётся мне, что вы теперь смерть искать будете.

— Нет, не буду, — усмехнулся я. — Нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, на тот свет я не собираюсь.

— Я так полагаю, что за это они с вами никогда рассчитаться не смогут, — сказал подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил: — Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что было у меня за плечами, это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз в прямом смысле слова. Из мелкашки. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё, хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба и забросила меня в украинский Донецк, где устроился на металлургический завод, встретил свою любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на передовую. Да. Убивал! Много убивал! Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненавидеть грызла так, что ножами зубами скрипел. Даже мой напарник Мишка поначалу доводил это до моего сведения. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, видел в прицел их усы-тые рожи и стрелял прямо им в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Не стали мы с Мишкой пользоваться обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, стараясь держаться подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли: дождёмся, когда рассветёт, посмотримся и решим, что делать дальше.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, начали шнырять машины. И поодиночке, и в составе небольших колонн; и военные,

и гражданские; проскочили несколько бэтээров. Над каждой машиной без исключения развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными всё было понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопасить себя от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности идеалам украинской же демократии.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности, — этот полкан — москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

— Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного пока не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом начнём потихоньку двигаться. Но наши планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят бэтээр и две «буханки».

— Глянь-ка, — толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем, куда надо смотреть.

— Вот же ж ё...прст! — выдал напарник, полюбившись на безрадостную картинку. — Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь пока. А если он сменит позиции? Резонанс о смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее, это самое решение приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета «уазика».

— Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку, и айда на дорогу! — прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил её себе на голову.

— Степаньч! Ты чего, головушкой ночью в пол ткнул, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем как три тополя...

— Вот именно что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон как раз и транспорт нарисовался, — и я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

— Оттуда? — кивнув в сторону «серой» зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

— Ага, оттуда, — буркнул я, расположившись позади него на заднем сиденье. — Шуганули нас, еле смылись!

— Это бывает! — хохотнул мужик. — Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! — и он постучал кулаком по своему бедру, показывая, по всей вероятности, куда его зацепили.

Кто это были такие, я не смог определить. Ни одной нашивки на форме не было. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу было заметно. Наверное, такой же, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй, водила, молодой, года, наверное, двадцать два — двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но, опять же, чёрт его знает!.. Одет также не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали себе одежду из кучи, в которую она была свалена. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она у них получалась разного цвета.

— До кого направляетесь? — поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. — Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил: — Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

— А! Да-да-да!.. — хлопнул тот себя по лбу. — Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо! — и он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам сказал: — А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, — и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Старее он! Проверь-льщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

— Сколько москалей-то завалили? — спросил, мельком глянув на нас, водитель.

Видно было, что хочется ему поговорить, скучно ему с таким напарником. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да ещё и из запретной зоны пришедших. Как тут ляссы не поточить про москалей треклятых?

Я посмотрел на усатого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

— Ты, Сёма, рули лучше молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

— Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, — вдруг спросил он, — а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! — и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка усы. — А у тебя что? У тебя, Сёма,

ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма!—наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятую минутой раньше.

— Обгоняем?—спросил водила, коротко глянув на усатого.

— Да не, не стоит,—пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины.— Отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и едем за ними не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся,—он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:— Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый—потому что хотел спать. Он постоянно клевал носом и, когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять начать клевать носом.

— Что, решили горилкой нервную систему подлечить?—засмеялся усатый, когда я попросил остановиться возле небольшого магазинчика и мы с напарником выбрались из машины.

— Ага, как же, полчишь тут,—засмеялся Мишка,—здесь ничего крепче газводы нету! Защитники отечества всё реквизируют, давненько уж завозить перестали.

— Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!..—заржал усатый и захлопнул дверцу машины.

— Как думаешь, Степаныч, кто это?—спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая «винторез» на ремень.

— Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё на какую дрянь вроде не похожи, никаких цацек на себя не налепили,—ответил я и внимательно осмотрелся.

— Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить, и всё.

— Ну, во-первых, трезвые они, хотя это не есть основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, настоящий вояка не будет хватать ранением, полученным именно на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может, даже и перед своим водителем. Во-вторых, ты видел их рацию в машине?

— Видел, и чё?—хмыкнул напарник.—Рация-то при чём?

— При том... плохенькая у них рация, слабенькая, да и сама машинка старовата. По этим признакам вроде на вэсэушников похожи, но сам же видел—не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

— Ну да, похоже на то,—пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил:—А может,

они того—по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдают за нами, а потом и возьмут тёпленками.

— Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

— Всегда готов!—по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

— Хватит ржать,—прошипел я и осмотрел пустую улицу.—Прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, продолжая озираться, я направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, продолжающему функционировать магазину.

Магазинчик был небольшой, однако, невзирая на это, рядом с окном был пристоеен стол с тремя расшатанными стульями—по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают прямо здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы—упитанной улыбчивой женщины, одетой в модную по нынешним временам вышиванку:—Что-то у вас здесь никого нет? Ни на улице, ни по оградкам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

— Так попрятались все, мил-человек! Страшно под бомбы-то попасть... вот и разбежались кто куда.—Под какие такие бомбы?—не понял я.—Они же вроде как по домам не бьют.

— Бить-то не бьют,—опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки,—да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побил! Вот и боимся, что ответят.

— Ну да, ну да,—пробормотал я, выглядывая в окно,—всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, побережись людям надо.

— Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже нету.

— Да не, нам бы простой водички пару бутылочек,—улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на прилавок пару помятых купюр,—желательно холодненькой, если есть, конечно. Жарко...

— Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то,—засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошилась там и, вынырнув через несколько секунд назад, поставила на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой.

— Может, ещё чего? Может, покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

— Бери по парочке, как раз и перекусим.

Мишка кивнул, и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо там, в магазине, благо что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять!

Если откровенно, то нам повезло! Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных—ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответов разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, ни о чём таком наша разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно, сам видел, и не только видел!.. Выбились мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

— Что делать будем?—спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике явно брошенного дома.—Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно? Заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим.

— Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход под охраной окажется, чем отбредиваться будем? А если вдруг нашумим, значит, нам дорога только в «серую» зону и останется, если, конечно, живы будем.

— А что тогда?

— А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом прямо к батарее.

— Очумел?! Заметят же на раз!

— Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят..

— А если позвонят кому? Наблюдателей у них здесь не может не быть.

— Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более что мы с тобой в их цвета выпачканы, вроде как свои.

— А если нарвёмся?..

— А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

— Ну ты наглец, Степаныч! Мне нравится..

— А мне нет,—прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз нам повезло: успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, как раки, пятясь задом, сдали назад, а потом, опять вскочив, рванули через узкий переулок на другую улицу.

Попались, когда уже прошли почти весь частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и буквально всей кожей почувствовал, что на меня смотрят. Обернулся и, заметив на другой стороне улицы троих военных, внимательно нас разглядывающих, стал тыкать пальцем вверх и махать рукой: прячьтесь, мол.

Те недоуменно уставились в небо, а я, приняв слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками сам побежал к ним. Нагнать, так уж по полной программе.

— Вы чего так выперлись?—спросил я, выпучив на них глаза.—Жить, что ли, надоело?

— Чё это вдруг жить надоело?—спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами.—Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома,—хохотнул он, и меня обдало густым запахом перегара.

— А вас теперь могут пристрелить прямо оттуда,—ткнул я пальцем в небо,—и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

— А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету,—задрал голову вверх второй и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.—Дрон вы должны были увидеть,—рявкнул я и со злостью уставился на старшего, всем своим видом давая понять, что его веселье не поддерживаю.—И не простой дрон, а дрон, из которого можно за километр запросто дырку в голове сделать.

— Да ладно! Брешешь!—не поверил старший, но благоразумно подался поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

— Ага, специально вас искал, чтобы побрехать,—окрысился я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

— Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается..

В это время, как будто в подтверждение моих слов, где-то недалеко за домами раздался один за другим два выстрела.

— Вот чёрт!—выругался я.—Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь,—и, обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, махнув напарнику рукой, побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались своими домашними делами, совершенно безобязательно расхаживая по двору. Не поверили, наверно, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю же даже не делали попыток приблизиться—по всей вероятности, давно уже поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её прямо во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им даже не было нужды маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о ней, всё равно ответить не смогут. Слишком близко к домам орудия были размещены.

Рано утром под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобрались к ближайшей двухэтажке и, стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру, расположенную на первом этаже.

Эту квартирку я заприметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушения стёкол мы так и не смогли установить.

В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна были просто выбиты изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались и, только убедившись, что в подъезде никого нет, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, где, соблюдая максимальную осторожность, через подъездный люк потихоньку забрались на чердак.

Позиция была нагляднее. Одно из слуховых окон как раз выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить смогли бы быстро, скатиться с чердака до первого этажа — дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из свд по вполне понятным причинам было невозможно, грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером; я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт. Но нет! Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать своё хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылью с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы, эти могут спяну и морду набить. Постоял немного, а потом, как будто почуствовал неладное, начал с тревогой осматриваться.

— Пора, Степаныч! — прошептал Мишка. — Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!.. — Не успеет, — усмехнулся я, и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая, тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха. — Это ещё не всё, сука, — ощерился я и, прицелившись ему в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой рукой дотянуться до искалеченного девяти-миллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на

его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

— Миш! — повернулся я к своему напарнику, лежащему рядом со мной. — А ведь он себе язык откусил! — и, опять прикинув к прицелу, злорадно прошептал: — Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... — и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

— Надо уходить! — раздался над самым ухом Мишкин голос. — Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... — и напарник вдруг захихикал. — Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

— Да всё, всё... проснулся уже, — пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил: — Чё там? Новости есть какие?

— Не, пока ничего нового, тихо, — ответил напарник и, сплюнув, добавил: — Если завтра не появится, надо будет сваливать...

— Согласен, — пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Реально боялся того, что, когда придёт время, я не выдержу и всё произойдёт как в этом сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором мою душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как этот Молейко.

Он появился, когда уже начало темнеть. Пришёл пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых была оснащена всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, прямо напротив заданных кверху стволов орудий. Поговорили о чём-то, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему оружию и начали копошиться возле их щитков.

— Прицелы, суки, снимают! — прошипел Мишка и, положив бинокль, взялся за свд.

— Даже не думай! — цыкнул я на него. — Успеешь ещё...

— Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

— Вижу... — пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, а потом, выдохнув, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался показавшийся мне оглушительным под шиферной крышей хлопок. Я опять посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, посунувшись головой вперед, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расплзаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы ни на кого умудрились не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал, а опустился на колени, навалившись на станину, которая не дала ему завалиться. По всей вероятности, какое-то время на него вообще не будут обращать внимания — стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это должно нам дать хорошую фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, на улицах по-прежнему было пусто. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к своим обязанностям относился совершенно по-хамски. Первые даже не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит, свои. Вторые оказались бдителнее, даже поинтересовались, кто и откуда, однако, услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули нам рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, сторожко поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую» зону — здесь, прямо отсюда, напрямки, либо же опять отмахать конец в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом были проблемы, пришлось бы ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко довольно быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант, честно говоря, паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

— Степаныч! А что, если мы опять уедем!.. По-наглomu сядем и уедем! — сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. — Гляди, что-то советское прибывает.

— Едем! — не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой «шестёрке», остановившейся возле магазина, выбрались из кустов. Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

— Здорово, батя! — поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил: — Куда едешь-то?

— И вам не хворать, — настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку. — До дому я еду, вот решил внукам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Да и вообще, подставу за столь короткое время нереально организовать. Невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, поувереннее, что ли. Молодые, они не так ценят жизнь, как люди, уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка и замусоленное красное бейсбольное кепи. И ещё руки — таких рук не может быть у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами, в поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

— А что хотели-то? — спросил мужик и, тяжело вздохнув, осмотрел пустую улицу.

— Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-он туда? — спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот только что и приехал.

— Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то? Можно и увезти, — пробормотал мужик и, обречённо пожав плечами, опять загрузился в машину, запустил двигатель и, подождав, пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал: — Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели... — и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил: — Недобитые...

— Ну! И как прикажете всё это понимать? — обратился к нам комбат, когда мы с Мишкой уселись за его столом и, устроившись удобнее, наконец перестали возиться.

— А что, собственно, вы должны понять? — наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

— А я сейчас объясню, — хмыкнул комбат и, опершись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир был похож на гориллу, и, представив, как комбат бьёт себя в грудь кулачками и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

— Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! — рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. — Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа. — А насколько мне известно, — уже спокойно добавил он, — выйти вы должны только сегодня

вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

— Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг—это, знаете ли, серьёзно...—явно сдерживаясь, чтобы не засмеяться, ответил Мишка и, словно ища поддержки, посмотрел на меня.

— Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками!—не мог не поддержать я напарника.

— Идите вы знаете куда со своим карточным долгом,—вздыхнув, неожиданно спокойно сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил:—Это всё было бы, конечно, очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш...—комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил:—...молодой звёздный друг из штаба.

— А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто!—удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, устался на командира.

— Для него—большая!—вздыхнул комбат.—Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проворачивать сложные операции!.. А тут на тебе!.. Исполнители гладенько провернули всё на свой страх и риск... по своему, так сказать, плану, а он, получается, как бы и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

— Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его?—спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел: с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом за полковником вошёл уже знакомый нам капитан от разведки.

Сесть нам полковник не предложил, но и сам не садился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости, это просматривалось невооружённым взглядом: челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал ему совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

— Скажи, майор, почему эти двое,—кивок в нашу сторону,—не выполнили приказ?

— Насколько я знаю, приказ выполнен...—начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

— Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

— А почему бы вам об этом у них не узнать?—спросил вдруг комбат, которого этот цирк, по всей вероятности, совершенно не устраивал, и он, не спрашивая разрешения у старшего по званию, сел на своё место за столом и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

— Вы позволите, товарищ полковник?—спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

— Да, конечно, старшина, прошу вас,—вмешался, не дожидаясь ответа полковника, прибывший с ним разведчик и взмахом руки предложил сесть и Мишке.

— Так почему же всё пошло не по плану?—спросил уже он и тоже сел за стол.

— Это элементарно,—пожал я плечами,—нам просто хотелось ещё пожить.

— В смысле—пожить?

— В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

— Ну почему же не удосужились? Очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и был предложен это путь,—и он покосился на продолжающего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, подрагивающим от напряжения голосом спросил:

— Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время?

Я вздохнул: о чём говорить с человеком, который не слышит, что ты ему говоришь? Он разве не слышал моего ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло.

— Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать,—чётко, по-уставному, доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил:—Как в последствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь назад после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили там засаду. Грамотную засаду. Если бы мы подошли к ней не сзади, мы бы её не обнаружили. Нас ждали на выходе из коллектора.

— Что ты... несёшь?!—прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

— Товарищ полковник,—слегка повысил я голос и встал из-за стола,—я далёк от мысли, что нас

отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, невзирая на то, что задание нами выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет, как рыба, открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживая меня за руку, спросил:

— Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

— А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились, — усмехнулся я. — Мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

— Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами.

— Ну что же, может, оно и к лучшему, — не дождав-шись от меня ответа, усмехнулся вдруг капитан. — Пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в жизни в эти катакомбы голову не засунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!.. — и он, взмахом руки попрощавшись с нами, скорым шагом направился обратно в штаб.

— Обломаться-то обломается, — пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, — хорошо, если за время собственного облома он никого угробить не успеет, — и, положив «винторез», как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил: — Э-э-э-эх! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

— Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! — прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону, вместо того чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. —

Ты уже два дня вопросительно сопишь и сопишь за моей спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, именно об этом хочешь узнать!

— Об этом, — пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покоился на меня и негромко сказал: — Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

— Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... — вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся табуретку. Помолчал, разглядывая усиленную досками стенку окопа, и повторил: — Очень!.. Но там, — ткнул я большим пальцем в небо, — видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что... —

— Ого! Смотри-ка, Степаныч! — хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы. — А у нас, оказывается, новости! Походу, вместо бандерлогов взсэушников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся и, устроив винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдёргнуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан, лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел на нас и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться, он не знал нас и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

— Что же ты каску-то даже не надел? — пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы звзвился фонтанчик земли, опустился на корточки и, поставив винтовку между колен, закрыл глаза.

— Степаныч, ты что, промахнулся, что ли? С какого-то расстояния? — раздался удивлённый голос напарника.

— Нет, Миша, не промахнулся, — улыбнулся я, не открывая глаз и буквально физически ощущая, как скатывается с меня глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки. Смерти, которой не должно быть.